

Почему была провалена защита

11 февраля 2004 года коллегия Высшей Аттестационной Комиссии (ВАКа) Армении приняла решение объявить недействительным заседание Специализированного совета при Институте истории НАН РА от 9 декабря 2002 года, на котором Армену Айвазяну было отказано в искомой им ученой степени доктора исторических наук. О перипетиях этой защиты ереванцы, да и армяне диаспоры знают по многочисленным материалам, опубликованным на страницах практически всех газет Армении и многих зарубежных изданий. Непосвященным в эту историю (хотя таких скорее всего нет) напомним, что свой отказ о присуждении диссертанту степени доктора исторических наук члены специализированного совета объясняют тем, что работа не отвечает требованиям, предъявленным ВАКом Армении. Вице-президент НАН РА академик Владимир Бархударян — председатель Спецсовета 004 по защите диссертации Института истории НАН РА и заведующий кафедрой истории Армении ЕГУ профессор Бабкен Арутюнян сочли необходимым выступить на страницах газеты "Новое время" (10 февраля 2004 г.) с критическими замечаниями в адрес диссертации. Сегодня впервые после защиты Армен Айвазян, автор 7 монографий, около 40 научных статей, совмещающий научную работу в Матенадаране с преподаванием политологии в Американском университете, согласился на интервью, давая свой ракурс этой нашумевшей истории.

История провала защиты моей докторской диссертации на тему "Армянская церковь на перепутьях освободительного движения XVIII века" имеет свою предысторию. В основе ее лежит моя книга "История Армении в освещении американской историографии. Критический очерк (Ереван, 1998 г.), вызвавшая град обвинений далеко не научного плана. Известный западный арменовед Левон Авдоян, назвав меня уже в первых абзацах своей так называемой рецензии интеллектуальным террористом, не привел ни единого конкретного аргументированного возражения. Сплошной поток оскорблений не только в мой адрес, но и в адрес нашей академии наук и нашей исторической школы. Достойный ответ ему дала лишь кафедра истории Армении ЕГУ (тогда ею руководил академик Грачик Симонян), принявшая в декабре 2001 года специальную резолюцию по этому поводу.

Профессор Б. Арутюнян в качестве председателя ученого совета исторического факультета ЕГУ рекомендовавший мою книгу к изданию, позднее плавно поменял лагерь, и хотя некогда утверждал, что готов подписаться под каждым словом этой книги, не только не выступил в ее защиту, но и публично дезавуировал резолюцию кафедры, объявив на встречах во Франции и США, "что если бы он был в эти дни в Армении, то не допустил бы принятия такой резолюции". Его новая позиция, согласно которой "конфликта как такового между местной и зарубежной арменоведческими школами в принципе не существует, а есть всего лишь недопонимание по отдельным вопросам и что многих словесных и письменных столкновений можно было избежать если б наши и зарубежные арменоведы чаще встречались на научных форумах" (Новое время, 23 октября 2002 г.) буквально повторяет тезисы западных арменоведов, которые после выхода в свет книги стали говорить о необходимости частых контактов. Сама идея контактов прекрасна, если бы не одно но - тон на этих встречах задают американские арменоведы, поскольку они и финансируют их проведение. Маскировка существующего конфликта отвечает интересам псевдоарменоведческой школы, поскольку позволяет беспрепятственно продолжать тотальную фальсификацию фундаментальных положений истории Армении на Западе. Именно поэтому меня не допустили к участию в работе Первого Всемирного Конгресса арменоведов, который прошел в Ереване осенью 2003 года. Решение не затрагивать на нем вопросы американского арменоведения не отражает истинной картины, поскольку предложенная мной для доклада тема "О принципах научного сотрудничества между зарубежными и отечественными арменоведами" не имела к этому прямого отношения. Игра шла в одни ворота потому, что американские арменоведы, критиковавшие меня, на конгресс приглашены были (в частности, Ричард Ованисян, Деннис Папазян, Рубина Пирумян, прямо или косвенно выступившие против меня).

Стремлением нейтрализовать меня продиктована и планомерная организация провала защиты моей докторской диссертации. Намеренная задержка с передачей мне отзывов на диссертацию наглядное тому подтверждение. Отдел института истории НАН РА дал свой отзыв на диссертацию 4 ноября, директор института Ашот Мелконян утвердил его лишь 28 ноября, мне же он был передан 2 декабря. Всего за шесть дней до

защиты, хотя полагается как минимум за 10 дней. По положению ВАКа это грубое нарушение. Кафедра истории Армении ЕГУ передала мне свой отзыв еще позже, 4 декабря. Разговоры о том, что мне были даны рекомендации, к которым я не прислушался, не соответствуют истине, ни кафедра ЕГУ, ни отдел Института истории со мной не встречался. Обсуждение диссертации на кафедре состоялось только лишь 3 декабря, и идти мне на него за шесть дней до защиты не имело никакого смысла. Преследовалась конкретно поставленная цель — не дать мне времени ответить на замечания, число которых перешагнуло за 40, и тем самым вынудить меня взять обратно свою работу. Именно здесь они просчитались. Назад диссертацию я не взял, ответы на замечания подготовил и могу с полным правом утверждать, что в ходе защиты отвечал предельно конкретно и детально, опровергая все принципиальные возражения и критические замечания, содержащиеся в отзывах оппонентов. Это могут подтвердить все присутствующие на защите, а также стенограмма, сделанная с видео и аудиозаписи. После моих ответных выступлений ни сотрудники отдела средних веков Института истории НАН, ни их коллеги с кафедры истории Армении ЕГУ не смогли представить каких-либо дополнительных контраргументов, и, фактически промолчали, не считая голословного повторения пассажей о несоответствии заглавия работы с ее содержанием и возражений насчет структуры диссертации. Убеждение, что диссертация была провалена Спецсоветом отнюдь не по научным причинам, базируется и на том, что все три официальных оппонента, а также институт древних рукописей - Матенадаран, где и была написана моя работа, высоко оценив диссертацию, ходатайствовали о присуждении мне искомой степени доктора исторических наук.

Попытки массированного давления на меня продолжаются и после провала защиты. Дезинформация общественности наглядно прослеживается в направленных против меня статьях, где приводятся все новые и новые критические замечания, которые никак нельзя назвать серьезными и полезными.

В конце декабря, спустя почти 20 дней после защиты, состоялось совместное заседание ученых советов Института истории НАН РА и кафедры истории Армении ЕГУ, единственной целью которого была очередная попытка моей дискредитации. Не помню ни одного случая, чтобы подобное совместное мероприятие было созвано хотя бы для организации

работы против турецко-азербайджанской антиармянской пропаганды. Неужели я представляю для них большую опасность?

По логике В. Бархударяна и Б.Арутюняна я должен был обобщить в своей работе уже известные факты участия армянской церкви в освободительном движении XVIII века. Но настоящая наука заключается в выявлении новых, а не в обобщении уже известных фактов по хронологическому принципу. Моя диссертация посвящена выявлению и анализу доселе неизвестных связей между армянским национально-освободительным движением и Армянской апостольской церковью в XVII – XVIII веках. Исходя из соображений безопасности вовлеченность Армянской церкви в армянское освободительное движение держалась в строжайшем секрете, любые контакты подобного рода были тайными, письменные свидетельства уничтожались самими современниками. Тем не менее скудость прямых первоисточников и документации по основной теме удастся компенсировать за счет скрупулезного исследования ряда дополнительных малоизученных проблем, которые, восстанавливая общую картину истории Армении указанного периода, одновременно проливают свет и на связи между армянским освободительным движением и церковью. Фокусом диссертации являются 1720-1730 годы, о чем я и пишу в предисловии. Чтобы исследовать вопросы со многими неизвестными в диссертации, мне приходится делать вылазки в XV, XVII века, во вторую половину XVIII века и снова и снова возвращаться к событиям 1720 – 1730 годов, то есть основному стержню работы. При углублении в другой век, даже другое десятилетие приходилось каждый раз иметь дело с новыми первоисточниками, разными авторами, с изменившейся терминологией. Это преимущество моей работы пытаются выставить как недостаток. Многочисленные факты, выявленные в ходе последовательного научно-исторического анализа, неопровержимо указывают на активную тайную поддержку, а иногда и руководящую, и направляющую роль в организации освободительного движения представителей высшего армянского духовенства: Католикоса Всех армян, Католикосов Гандзасарского и Ахтамарского, Архиепископов Таронского и других. Обвинения в том, что в не поля моего зрения остались армянские патриаршества сняты ими же самими в следующем предложении, где говорится, что диссертантом уделено слишком большое внимание политике султанского двора в отношении

армянской церкви. Обойти при этом деятельность константинопольского патриаршества просто невозможно. В работе этому отведены десятки страниц.

Так что настоящая причина провала диссертации — политический заказ со стороны западных арменоведов плюс то, что я как бы белая ворона в среде паталогически заостренных структур Института истории и кафедры истории Армении ЕГУ, не соответствую их стандартам. Отсюда и обвинения в отсутствии этики — "Остается лишь удивляться,- пишут они, - что историк церкви Магакия Орманян пришел к тому же выводу, что Армен Айвазян." А что здесь удивительного. Произведя исследование и придя к какому-то выводу я заметил, что совершенно по другому пути к такому же выводу пришел Магакия Орманян. Почему бы мне не отметить это?!

Криминал я лично вижу в другом — в попытке обвинить меня в плагиате, якобы официальный оппонент академик М. Зулалян во время моей защиты сказал, что "автор использовал его работы, но не отметил это.". Это самая настоящая клевета, за которую академик В.Бархударян официально принес мне свои извинения в присутствии свидетелей. Я не принял их. В ходе защиты М. Зулалян, прервав с места выступающего Б. Арутюняна, сказал, что мою диссертацию оценивает "очень высоко". Далее привожу его слова дословно: "Я думаю, что это ваша кафедра не проявила честного, искреннего отношения, согрешила перед наукой. У меня никаких претензий нет. Если хотите, скажу больше: я ему (А. Айвазяну) адресую свое замечание. Об армянском духовенстве в 16-18-ом веках я говорил в своей книге, довольно много писал и сейчас у меня есть много материалов, которые неопубликованы, находятся в моем распоряжении. Но нигде, он принял свою ошибку, мое имя даже не упоминается. Но это мне абсолютно не мешает, господин Арутюнян, терять свою совесть и говорить об обратном, принимать позу обиженного и говорить об обратном, оппонировать ему. Так нельзя, понимаете? Надо проявлять научный подход. А перед нами стоит хотя и молодой, но сформировавшийся ученый." В уголовном кодексе Армении есть статья 135 о клевете, которая дает мне право призвать их к ответственности за эти слова, но мне жаль собственное время и энергию, чтобы кроме ВАКа обращаться еще и в суд.

Говоря, что я не стремился к защите, и мне был нужен лишь шум вокруг нее, они почему-то умалчивают о том, что если б моя работа

действительно оказалась несостоятельной, никакого шума вообще бы не было, они могли легко опровергнуть ее. Почему бы вместо публикации пост-фактум новых "замечаний", кафедра ЕГУ и Отдел средних веков Института истории не опубликовали свои отзывы и мои ответы, **зачитанные во время защиты**, чтобы всем было ясно как же все-таки обстояло дело и кто же был прав?

Меня обвиняют и в неприятии замечаний своих оппонентов. А почему я должен принимать замечания, если не согласен с ними, тем более, когда доказательств от противного нет. Например, мне говорят, что у армян в тот период не было 50-60 тысячного войска, однако выдержки из нескольких источников, которые я зачитал в ходе защиты, документально подтверждают это.

Официальный оппонент профессор В. Дилоян и академик В. Микаэлян в ходе защиты ходатайствовали о присвоении мне степени доктора наук. Давление на них было действительно оказано, раз уж после защиты они изменили свое первоначальное мнение и начали выступать против меня в газетах. Ларчик открывается просто — В. Дилоян был главным редактором учебника, написанного американским арменоведом Рубиной Пирумян. Сейчас он перевел два тома работ другого американского арменоведа Ричарда Оганесяна. Сотрудничая с американскими арменоведами трудно не поддаваться их давлению.

А вот как обстояло дело с В. Микаэляном. Во время защиты он неоднократно с места выступал в мою поддержку. Вот выдержки из его выступлений: "Я знаком с диссертацией, знаком с авторефератом и очень высокого мнения о них. Мы должны уметь оценивать наши молодые кадры, нам непозволительно с ними обращаться с такой "щедростью". Не Рональду Григору Сюни решать там, как здесь проголосует Вардгес Микаелян.

...[А. Айвазян] интеллигент с очень высоким интеллектом, и я не имею в виду только лишь знание им языков, есть и другие, владеющие языками, но человек с очень глубоким мышлением. У меня дома на столе лежит его книга, которую я прочитал и почти закончил. И я восхищен, что у нас есть такие молодые люди, говорю это со всей искренностью...

Это не дело. В то время, как не было ни одного отрицательного выступления, в то время, как не было ни одного существенного замечания, и вы еще хотите провалить [защиту]. Разве это дело? Разве вам пристало?"

После объявления результатов голосования В. Микаэлян во всеуслышание заявил, что участвовать в работе Спецсовета больше не будет. На следующий день после защиты В. Микаэлян вместе с Г. Симоняном написал заявление о выходе из состава спецсовета в знак протеста. Вот полный текст заявления: "9 декабря с. г. (2003) заседание спецсовета по присуждению ученых степеней при Институте истории НАН РА еще раз привело нас к убеждению, что созданная на этом Совете атмосфера не позволяет проводить беспристратную дискуссию и решение научных вопросов. В результате ученые степени присуждают авторам представленных к защите недостойных работ и, наоборот, закрывают дорогу перед даровитыми молодыми кадрами. По нашему мнению, указанное явление во многом обусловлено безграничными правами и своеволием руководящего заседанием (т.е. — В. Бархударяна), обстоятельство, которое ярко проявилось во время указанного заседания спецсовета. В создавшихся условиях мы считаем бессмысленным наше дальнейшее участие в работе спецсовета". Надо заметить, что В. Микаэлян сам же отнес и собственноручно вручил это заявление в ВАК. Так почему же через неделю он взял назад свое заявление? По моему, комментарии здесь излишни.

И еще — за последние десять лет не было ни одной докторской диссертации, кроме моей, которая была бы не утверждена...

В июле 2002 года исполнительный совет "Общества арменоведческих исследований в США" принял ультимативное заявление, в котором потребовал от кафедры истории Армении пересмотреть свою резолюцию от 19 декабря 2001 года. 24 декабря 2003 года эта же кафедра, которой руководит новый заведующий Б. Арутюнян, в своей новой редакции на мою диссертацию выражает сомнение в правильности принятой ранее резолюции — привожу дословно "независимо от того была ли правильной или неправильной эта резолюция..." Можно ли после этого говорить о каких-то моральных стандартах?!

Беседа записана 14 февраля 2004 г.